

Нестор Кукольник

Сказка за сказкой

Том 3-4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н56

Н56 **Нестор Кукольник**
Сказка за сказкой: Том 3-4 / Нестор Кукольник – М.: Книга по Требованию,
2017. – 768 с.

ISBN 978-5-518-07673-0

ISBN 978-5-518-07673-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.**

С. Петербургъ, Ноября 9-го дня 1842 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

I.

СОЛДАТСКІЙ

ПОРТРЕТЪ.

СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ.

I.

СОЛДАТСКІЙ ПОРТРЕТЪ.

СЪ МАЛОРОССІЙСКАГО РАЗСКАЗА

Латинска-Побрехелька (*).

Когда-то, гдѣ-то, былъ себѣ какой-то маляръ, по имени... Вотъ на умѣ вертится, какъ звали его, да не вспомню... Да и нужды нѣтъ до его имени, намъ важно его искусство. Пусть, пока маляръ, да ж только. А какъ чудесно малевалъ, такъ на удивленіе? Вы подумаете, что онъ малевалъ такъ себѣ, просто, какъ вибудь, намѣшаетъ краски, зеленой, синей, вишневой, да такъ прямо и мажетъ столъ или

(*) Разказъ Грицька Основьяненки: Солдатскій Портретъ былъ напечатанъ по Малороссійски; имѣлъ большой успѣхъ; для незнающихъ Малороссійскаго нарѣчія, конечно пріятно будетъ прочесть эту повѣсть въ Русскомъ разказѣ самаго автора; для каждаго, даже для Малороссіянина, Солдатскій Портретъ въ Русскомъ переводѣ справедливо покажется повостью *Редакторъ*.

сундукъ? Э, вѣтъ, погодите немного. Бывало, что завидѣть, что подсмотреть, съ разу съ того портретъ и откатнетъ: хоть будь это ведро, или собака, такъ словно настоящее оно и есть... Посвистишь и замолчишь отъ удивленія. Да еще бывало, намалюеть, примѣромъ сказать сливу, да и подпишетъ—онъ же былъ грамотный.—«Это не арбузъ, а слива.» Знаете, чтобъ всякой отгадалъ что оно есть такъ точно такъ и есть, настоящая, словно живая слива.

Разъ... Вотъ смѣхъ былъ! — Хлопцы наши отъ хохота, чуть животовъ не надорвали себя. Шутки ради, смалевалъ онъ портретъ съ кобылы нашего мельника, да какъ живо смалевалъ, такъ на удивленіе всему свѣту. Вотъ, намалевавши и говоритъ намъ: «Теперь, хлопцы, смотрите, какая будетъ комедія.»—А мы говоримъ: А ну, ну, что тамъ будетъ?—А онъ говоритъ: «Идите-ка за мною, и несите портретъ мельниковой кобылы.» Вотъ мы, взявши, и пошли себя, да по его наученію, поставили этотъ портретъ подлѣ мельниковаго двора, подперли его хорошенько и смотримъ... Таки точно мельникова кобыла, на одинъ глазъ слѣпа, хвостъ вырванъ, ребра повыдазили, да и голову попурила, будто пасется.

Вотъ, какъ уставили ее, а сами, взявши, присѣли, подъ плетнемъ въ бурьянъ и ждемъ мельника, а сами крѣпимся сколько можно, чтобъ не хохотать. Какъ вотъ, идетъ нашъ мельникъ Евтухъ и, видно было у него въ головѣ, идетъ и пѣсенку подъ носъ себя мурлычить; а потомъ и завидѣлъ кобылу и говоритъ: «Какой негодный мой Охрымъ? (Мельникъ не послѣдняя спица въ селѣ; доходы позволяютъ ему имѣть и батрака, такъ онъ его имѣлъ, вотъ батрака-то и звали Охримомъ) «Кобыла»—такъ мельникъ съ собою разсуждаетъ:—«къ ночи сошла со двора, а ему

и нужды нѣтъ. Какъ - бы мнѣ поймать ее? — Потомъ снялъ съ себя поясъ, завязалъ петлю, да и началъ подкрадываться къ ней, да все чмокаетъ и приговариваетъ: «тирусѣ, рябая, тирусѣ!» А потомъ какъ подошелъ поближе, какъ закинетъ ей на шею поясъ, какъ потянетъ къ себѣ изо всей мочи... Подпорки не удержали... Кобыла начала валиться, а мельникъ думаетъ, что она вырывается отъ него; какъ закричалъ во весь голосъ: тирру!... тиррррру-у! Тутъ наша кобыла какъ упадетъ, а мы какъ захохочемъ и... давай Богъ ноги оттуда... Евтухъ нашъ и остался, катъ вкопаный; руки и ноги одеревенѣли и ни съ мѣста; а кобыла передъ нимъ лежитъ откинувъ ноги... Уже потомъ, какъ-то въ бѣсѣдѣ, рассказывалъ намъ, что и долго бы стоялъ, не понимая, чтò съ нимъ сдѣлалось, да мельничиха пошла его отыскивать; знаете, не много ревнивенька была себѣ, такъ не любила, если мужъ гдѣ засиживался. Такъ вотъ она, какъ увидѣла такъ стоящаго, почти виѣ ума, то не знала что и дѣлать съ нимъ: и отдувала, и водою брызгала, а онъ все, вытараща глаза, глядитъ на кобылинъ портретъ, все думаетъ что это она живая передъ нимъ. Уже какъ смерклось, такъ тогда она, на превеликую силу съ мѣста свела и ввела въ хату; а онъ, знай, свое твердитъ: «тирусѣ, рябая, тирусѣ.» Чтоже? цѣлую ночь дрожью дрожалъ, какъ будто лихорадка его бьетъ и въ глазахъ все кобыла представлялася. Жена подойдетъ, а онъ все думаетъ что кобыла да все свое толчетъ: «тирусѣ, рябая, тирусѣ.» И до тѣхъ поръ такъ было, пока она его не напоила шалфею; тогда только какъ рукою сняло. Вотъ что значитъ сильный перепугъ!

Пожалуйте-же. Къ-чему-же это я началъ вамъ рассказывать? — Да; о малярѣ... те, те, те, те...

Теперь вспомнилъ, что звали его Кузьмою, а по батюшкѣ, Трофимовичемъ. Какъ теперь гляжу на него: въ синей юлкѣ (камзолѣ), затрапезныхъ, широкихъ шараварахъ, пузо подпоясано каламайкавымъ поясомъ; а поверху надѣта китайчатая черкеска; на шеѣ, сверхъ благо воротника, повязанъ красный, бумажный платокъ, сапоги колевые, добрые, съ подковами; волосъ черный, подъ чубъ подстриженъ, а усы рыженькіе, густые и длинныя; не часто брился, такъ борода, всегда какъ щетка; въ горьлѣ не упражнялся такъ чтобъ черезъ край, а съ пріятелями, въ компаніи, не проливалъ мимо; славно пѣвалъ на клиросѣ, читалъ бойко и гласы зналъ такъ, что и самъ панъ Аеопасій, вотъ если знаете, дьячекъ нашъ, и тотъ спотыкался на его напѣвы, какъ заведетъ по-своему. А ужъ этотъ проклятый табакъ такъ любилъ, что не то что; хлѣба-святого еще не съѣстъ, а безъ этой мерзости и дышать не можетъ. Былъ себѣ пузатъ порядочно, а родомъ, если слыхали Борисовку, въ Курской губерніи, слобода графа Шереметева, такъ онъ оттуда былъ родомъ. Въ той Борисовкѣ наилучшіе богомазы, иконописцы и всякіе маляры. Изъ той-то слободы маляръ и въ нашемъ селѣ зеленилъ крышу на колокольнѣ; да какъ искусно, на удивленіе! Такая крыша вышла зеленая, словно трава въ полѣ. Ужъ не гдѣ правды дѣвать: ни кто лучше ни на малоеѣтъ, ни размалоеѣтъ, какъ богомазъ изъ Борисовки; ужъ не жаль и денегъ. Какъ же москаль возмется за это дѣло, такъ ну! почешися, да и отойди. Торгуется, требуетъ всего много: дай ему и матеріалъ, и всякой провизіи и денегъ, а какъ удержеть, такъ гай, гай?.. Ему говоришь: это *блакитна*, а онъ называетъ по-своему: синяя-ста. Ему говорившь: не годится, а онъ чешется,

смыется и, знай, свое толчетъ: ничего-ста, для хохловъ и такое бредётъ.

Такъ вотъ, какъ Кузьма Трофимовичъ былъ очень искусенъ въ малярствѣ, то объ немъ слава прошла по всему свѣту. Услыпалъ о немъ какой-то панъ, большой охотникъ до огорода; такъ вотъ видите, бѣда ему: что онъ ни посяетъ, то воробьи въ лѣто все и выключаютъ. Вотъ онъ и позвалъ нашего Кузьму Трофимовича, чтобъ намалевалъ ему солдата, да что бъ такъ списалъ, чтобъ былъ бы словно живой, чтобъ боялись его все воробьи; а будетъ, говоритъ, какая фальшь, прикину тебя, не возму. Вотъ и сторговались за два цѣлковыхъ и, какъ уже извѣстно, что ни одинъ мастеръ ничего не возмется дѣлать безъ водки, то Кузьма Трофимовичъ выговорилъ себѣ еще и осьмуху водки. Вотъ и намалевалъ онъ солдата, да еще какъ! Я говорю и увѣрю васъ, что и живой не будетъ такъ гадокъ, какъ онъ его искусно намалевалъ: мордатый, обдутый, съ престрашнѣйшими усами, что не только воробью, да и всякому человѣку глядѣть на него страшно. Мундиръ на немъ обвисъ хватски, словно мѣшокъ, застегнуть вездѣ пуговицами величипою въ кулакъ, сабля бравая, какъ водится съ праваго бока, а ружье!... ужъ погибель его знаетъ, какъ онъ живо смалевалъ! Глядишь и боишься, думаешь, вотъ выстрѣлить! и подступить не смѣешь. А присмотришься на него, такъ вотъ, кажется, вотъ онъ и шевелится, вотъ моргаетъ усомъ, глазами, носомъ, руками дергаетъ, ногами шевелитъ, противъ воли боишься и думаешь: вотъ побѣжить... вотъ станеть бить!... Такъ-то былъ искусно намалеванъ. Думаю, что во всемъ свѣтѣ не было такъ живо списаннаго солдата.

Нуте. Покончивши этотъ портретъ, Кузьма

Трофимовичъ думаетъ себѣ: можетъ и не угожу пану, тогда пропали и издержки мои и работа. Повезу куда на ярмарку, поставлю на базарь и стану прислушиваться, что будутъ люди говорить. Когда станутъ его пугаться и прятаться, какъ водится отъ живаго солдата, тогда, Кузьма, смѣло бери деньги; когда же найдутъ что не такъ, то буду подправлять, пока доведу до конца.

Собрался нашъ Кузьма Трофимовичъ и повезъ своего солдата въ Липцы, когда знаетъ кто; вотъ что верстъ тридцать отъ Харькова на дорогѣ къ Курску, большая слобода. Привезши туда, въ самую глухую полночь, какъ еще подлѣ своихъ возовъ всѣ съѣхавшіеся на ярмарку и хозяева въ хатахъ крѣпко спали, и даже изъ кабаковъ народъ разошелся и огонь погасили, онъ и поставилъ тотъ портретъ на самой ярмаркѣ и подперъ его, еще крѣпче, нежели мельникову кобылу, что бѣ вътеръ или какой пьяный, а ихъ на ярмаркѣ, какъ извѣстно, всегда много, ходя и шатаясь и паткнувшись на портретъ, не свалилъ бы его; самъ же за портретомъ, накинулъ надъ собою навѣсъ, съѣлъ, что бѣ прислушиваться, что будетъ толковать о немъ народъ и что бѣ поправить какую ошибку по замѣчаніямъ другихъ, приготовилъ и палитру съ красками. Управившись совсѣмъ, присѣлъ, приклонилъ голову и вздремнулъ не много, пока дойдетъ до дѣла...

Какъ вотъ и разсвѣтатъ стало. Еще не пригласилъ всѣ звѣздочки, какъ уже нашъ Кузьма Трофимовичъ и встрепенулся; понюхалъ табуку, вычихался, протеръ глаза полою; некогда уже было итти за водою чтобъ умыться; подпоясался снова и поясъ притянулъ покрѣпче, надвинулъ шапку къ самому носу и рукавички досталъ, а это, знаете, было около *первой*